

УДК 94 (470)

## «Поход против преподавателей» на страницах студенческой газеты Казанского пединститута

*А. Т. Галимзянова,*

*Институт истории  
им. Ш. Марджани АН РТ,  
г. Казань, Республика Татарстан,  
Российская Федерация*

## “The campaign against the teachers” in the student newspaper of Kazan Pedagogical Institute

*A. T. Galimzyanova,*

*Sh. Mardzhani Institute of History  
of the Academy of Sciences  
of the Republic of Tatarstan,  
Kazan, the Republic of Tatarstan,  
the Russian Federation*

### Аннотация

В статье представлены материалы периодического издания Казанского педагогического института «За педагогические кадры» относящиеся к началу периода Большого террора. В них раскрываются поведенческие практики в среде педагогической интеллигенции и культура взаимодействия между студентами и преподавателями вуза, установившиеся во время массовых репрессий 1930-х гг. Организованная в 1936 г. институтская газета призвана была отражать значимые события из жизни татарского студенчества, но в условиях политико-идеологических кампаний она очень быстро превратилась в один из основных средств продвижения партийной линии по повышению коммунистической бдительности с целью выявления «чуждых элементов». Возглавлявшие редакционный совет представители студенческого партактива стали инициаторами травли научно-педагогического состава. Указание педколлектива на неприемлемость критики со стороны учащихся позволило обвинить первых в зажиме самокритики и приверженности стилю работы «контрреволюционных троцкистов и буржуазных националистов, подвизавшихся в институте на протяжении ряда лет» (речь шла об арестованных ранее преподавателях Казанского пединститута Н. Н. Эльвове, С. С. Атнагулове и др.). Серия заметок с критикой преподавателей на страницах студенческой периодики в конечном счете повлекла за собой сначала арест директора института, затем секретаря парткома. В этих обстоятельствах их коллегам грозила опасность быть обвиненными в связях с «врагами народа». Страх оказаться в застенках НКВД стал главной причиной выхода покаянных публикаций в вузовской газете, авторами которых являлись обвиняемые студентами педагоги. Представленные документы могут быть интересны специалистам, занимающимся изучением вопроса развития советского высшего образования в условиях сталинизма, истории повседневности 1930-х гг., роли периодической печати в репрессивной политике коммунистической власти.

### Abstract

This article presents the materials of the periodical of Kazan Pedagogical Institute named “For the Pedagogical Personnel”. These documents related to the beginning of the Great Terror. They reveal behavioral practices among the pedagogical intelligentsia, as well as the culture of interaction between the students and the teachers of the university, established during the mass

repressions of the 1930s in the USSR. Organized in 1936, the institute newspaper was intended to reflect the significant events in the life of the Tatar students, but under the conditions of political and ideological campaigns it quickly turned into one of the main means of promoting the party line of increasing communist vigilance in order to identify the “alien elements”. The representatives of the student party, who headed the editorial board, initiated the persecution of the scientific and teaching staff. The teaching staff’s indication of the unacceptability of criticism from students made it possible to accuse the former of suppressing self-criticism and adherence to the style of work of “counter-revolutionary Trotskyists and bourgeois nationalists who had become attached to the institute over a number of years” (this was about the previously arrested KSPI teachers N. N. Elvov, S. S. Atnagulov, and others). A series of notes criticizing the teachers of the KSPI on the pages of student periodicals ultimately led to the arrest of the director of the institute, then the secretary of the party committee. In these circumstances, their colleagues were in danger of being accused of having ties with the “enemies of the people”. The fear of ending up in the NKVD dungeons became the main reason for the inserting of repentant publications in the ZPK, the authors of which were the teachers accused by the students. The presented documents may be interesting to specialists studying the development of Soviet higher education under Stalinism, the history of everyday life in the 1930s, and the role of the periodical press in the repressive policies of the communist government.

#### **Ключевые слова**

Казанский педагогический институт, Татарская АССР, массовые репрессии, советская идеология, вузовская печать.

#### **Keywords**

Kazan Pedagogical Institute, Tatar ASSR (Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic), mass repressions, the Soviet ideology, university press.

Казань, являясь центром одного из шести учебных округов Российской империи, курировала научно-образовательную систему сразу нескольких губерний: Вятской, Казанской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Астраханской. Здесь же был организован третий в стране Учительский институт, который готовил педагогические кадры для указанных выше административно-территориальных единиц. Позже институт неоднократно подвергался реорганизациям. В 1918 г. он был преобразован в Казанский педагогический институт, который в 1922 г. объединил все гуманитарные вузы города и стал именоваться Восточным педагогическим институтом (ВПИ). К 1927 г. ВПИ обслуживала Татарскую, Башкирскую, Казахскую, Чувашскую АССР, Вотскую, Марийскую автономные области с общим населением 7,5 млн человек, а в 1930-е гг. – оставался единственным центром исторического знания и обществоведения в Поволжье, сосредоточившим высококвалифицированных специалистов дореволюционной старой школы и выпускников столичных вузов<sup>1</sup>. Все вышеперечисленное дает нам основание для более глубокого изучения истории развития казанской высшей педагогической школы, не только с точки зрения организации научно-образовательного процесса, но и влияния политико-идеологических процессов на работу вуза.

Вместе с тем историографический анализ показал, что в исследованиях по Казанскому педагогическому институту малоизученным остается период сталинизма, в частности, вопрос массовых репрессий (хронология ключевых событий, количественные и качественные данные по репрессированным сотрудникам и студентам и пр.). При этом региональные исследователи, занимающиеся темой сталинских репрессий в ТАССР (А. Л. Литвин, С. Ю. Малышева, А. Ф. Степанов, Б. Ф. Султанбеков, Ф. Н. Багаутдинов), также обошли стороной проблему политических процессов против педагогической интеллигенции<sup>2</sup>.

В данной статье представлены материалы периодической печати «За педагогические кадры» (ЗПК), относящиеся к началу периода «Большого террора»

## ЗА ИСКОРЕНЕНИЕ ПЕРЕЖИТКОВ ПРОШЛОГО

и отражающие сложившуюся в Казанском педагогическом институте (КГПИ) практику идеологических преследований преподавательского состава со стороны студенческого партактива.

Ежедекадная газета ЗПК, призванная освещать наиболее значимые события в жизни института, очень быстро превратилась в площадку для публичной критики и самокритики преподавательского состава. Уже во втором номере студенческой периодики вышла статья «Против верхоглядства, за подлинное научное знание», в которой группа студентов обвиняла Георгия Федоровича Юдина в «крупнейших политических ошибках» в лекции по новой истории Западной Европы<sup>3</sup>. К слову, Г. Ф. Юдин занимал должность декана исторического факультета, после ареста по обвинению в «контрабанде троцкизма» его предыдущего руководителя – Н. Н. Эльвова. Именно с Н. Н. Эльвова началась борьба с «контрреволюционной оппозицией» в среде научной интеллигенции ТАССР<sup>4</sup>.

Критическая заметка на страницах ЗПК педсоставом была воспринята неоднозначно. Преподаватель Е. И. Устюжанин и заведующий кафедрой всеобщей истории С. П. Сингалевич категорично встали на сторону своего коллеги. Директор института Касымов, указывая на необходимость бороться за «чистоту самокритики» и авторитет преподавателей, также отметил, что авторы статьи допустили ошибку. Двойственным была реакция и секретаря парткома КГПИ Еналеева: «В статье есть доля правды, но есть и несправедливые моменты»<sup>5</sup>.

Подобная оценка статьи была воспринята как зажим самокритики и на фоне разрастающейся системы доноительства вызвала целую волну обвинительных публикаций в ЗПК в адрес преподавателей института. В их число вошли не только вышеперечисленные представители научного коллектива, но и завкафедры педагогики Б. П. Рождественский (за «педологические извращения»), преподаватели географического факультета (за отсутствие дисциплины у студентов), руководитель практики А. Ф. Мамыковский (за то, что якобы не смог организовать должного контроля за подготовкой к учебным занятиям студентов естественного факультета)<sup>6</sup>.

Замыкала серию статей заметка «Нравы Гоголевских героев», где описывалось первое собрание, проведенное после публикации против Г. Ф. Юдина. Этот исторический документ очень ярко демонстрирует разрушенную систему взаимоотношения между преподавателями и учащимися, показывает беззастенчивое манипулирование общественным мнением, выстроенное на страхе быть обвиненным в неверности партии.

После проведенных в КГПИ проверок со стороны обкома партии был арестован директор Педагогического института Газым Касымович Касымов, что приведет к публикации на страницах ЗПК ряда покаянных статей, авторами которых будут обвиненные ранее преподаватели<sup>7</sup>. Одна из таких принадлежит Еналееву, который оправдываясь, указывает на недопустимость зажима самокритики, которая произошла в стенах института. Д. А. Еналеев показал проделанную парткомом работу, направленную на ликвидацию этого недостатка. Так, по его словам, Г. Ф. Юдин и Е. И. Устюжанин признали свои ошибки только после того, как партсобрание предъявило историкам неопровержимые факты. Читателю также сообщается, что непосредственно партком обязал Г. Ф. Юдина выступить с саморазоблачением не только перед студентами 3 и 4 курсов, но и на страницах многотиражки.

Парторганизация института также требовала от партийных частей всех кафедр и факультетов, и в первую очередь истфака, проработать на специальных совещаниях решения парткома относительно антипартийного поведения историков и наметить «практические мероприятия, содействующие развертыванию на кафедрах критики и самокритики».

Все указания в скором времени были приведены в исполнение. 16 января 1937 г. вышел очередной номер вузовской печати, где на четыре полосы первой страницы были помещены сообщения под общим названием «Рейд газеты «ЗПК» на истфаке»<sup>8</sup>. Читателю в трафаретной форме сообщалось о том, что на факультете прошла проверка, выявившая ряд нарушений, над которыми будет вестись работа. Причиной выявленных недостатков отмечалась плохая организация партийной работы: слабо поставленная борьба за качество пропаганды коммунистических ценностей, необходимость повышения партийности в преподавании, усиление внимания к беспартийному студенчеству и пр. Критика деятельности комсомольской организации истфака и работы профторгов сводилась к количественным данным по прогулам и академическим задолженностям. К слову, вскоре секретарь парткома КГПИ Д. А. Еналеев был смещен с должности, исключен из партии и признан врагом народа.

В целом приведенные ниже документы позволяют проследить напряженную атмосферу, сложившуюся в педагогическом институте в эти годы. Превалирующее чувство страха вынуждало отказываться не только от собственных убеждений, но и принятых ранее норм морали и этики и повиноваться требованиям времени, чтобы показать свою лояльность и «искреннюю преданность» партии. Последовавший вскоре февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г., провозгласивший начало «Большого террора», стало лишь подтверждением всех опасений научной интеллигенции Татарии.

#### ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 132. – Казань, 1974. – С. 67.
2. Литвин А. А., Мальшева С. Ю., Сальникова А. А. Бремя выбора. Историки Казанского университета в первые советские десятилетия. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2021. – 156 с.; Литвин А. А. Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). – Казань: Татарское кн. издательство, 1994. – 191 с.; Степанов А. Ф. Расстрел по лимиту: Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». – Казань: Новое Знание, 1999. – 312 с.; Султанбеков Б. Ф., Мальшева С. Ю. Трагические судьбы. Научно-популярные очерки. – Казань: Татарское книжное издательство, 1996. – 285 с.; Багаутдинов Ф. Н. По закону 1934 года: [Репрессии в Татарии]. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 133 с.
3. «Против верхоглядства, за подлинные научные знания» // За педагогические кадры. – 1936. – 27 октября.
4. Галимзянова А. Т. Казанский педагогический институт в годы «Большого террора». По письмам Х. Гимади в ЦК ВКП(б) и парторганизацию 1938 г. // Вестник архивиста. – 2023. – № 3. – С. 849-860.
5. Государственный архив Республики Татарстан, ф. Р-1487, оп. 1, д. 562, л. 31-32.
6. Выпускник. Что думает кафедра педагогики? // За педагогические кадры. – 1936. – 16 ноября; Гребенников. Непонятная беспечность // За педагогические кадры. – 1936. – 25 ноября; Б. Расписываются в бездеятельности // За педагогические кадры. – 1936. – 6 декабря; Практиканты. Практика сорвана // За педагогические кадры. – 1936. – 6 декабря.
7. Устюжанин Е. И. Письмо в редакцию // За педагогические кадры. – 1937. – 16 января; Юдин Г. Ф. Письмо в редакцию // За педагогические кадры. – 1937. – 16 января; Сингалевич С. Решение кафедры всеобщей истории // За педагогические кадры. – 1937. – 16 января; «Практика сорвана» // За педагогические кадры. – 1937. – 16 января.
8. Гребенников. Создать перелом в партработе // За педагогические кадры. – 1937. – 16 января; Иванов и Васяшин. Комсомольская организация истфака // За педагогические кадры. – 1937. – 16 января.

## № 1. Из статьи «Нравы Гоголевских героев»

На низкий уровень развития критики и самокритики во всей работе указано нам вышестоящими партийными органами. Да и сами мы не раз признавали, что на этом участке нашей работы у нас далеко не все благополучно. Еще не окончательно вытравлены следы вредительской контрреволюционной деятельности в этой области разоблаченных в нашем институте троцкистов и буржуазных националистов.

Однако, признать наличие недостатков в развертывании критики и самокритики, а также высказывать пожелания о необходимости развития ее – дело одно, а бороться на деле за большевистское развитие этого острейшего оружия партии – дело другое. И если мы достаточно много говорим о первом, то совершенно недостаточно боремся за второе.

В борьбе за развертывание и руководство делом критики и самокритики огромная роль принадлежит газете. Но, как уже показал нам опыт, критика нашей газеты кое-кем принимается в штыки.

Характерным в этом отношении являются заметка «Против верхоглядства, за подлинное научное знание» (№ 2 нашей газеты) и заметка «Практика сорвана» (в № 7), вызвавшие специальные суждения их и в учебных группах и парторганизацией (заметка в № 2).

Самый характер этих суждений дает нам право говорить о том, что некоторые товарищи до сих пор еще не понимают ни роли газеты в этой области, ни значения сигналов ее. Перед нами лежит протокол заседания партчасти кафедры всеобщей истории от 2 ноября, как видно специально посвященного обсуждению заметки о преподавании истории т. Юдиным. Тон этому заседанию задает *т. Юдин\** И какой тон! Вот наиболее яркие места из его не менее «яркого» выступления: «В курсе империализма мало «веселого». Если вам (студентам) *взбредет в голову*, что я мало говорю об исторических личностях, читайте сами литературу». «Думали только как меня *укусить*». «Это *мерзость* с вашей стороны. Заметка имеет тенденциозный и выпаднический характер». «Это *издевательство*. Это *наглость*». «Я хозяин, а ваше дело слушать». «Я предполагаю, кто писал эту заметку. В газете ведется *поход против преподавателей*». И прочее в этом духе. Не менее «остро» вторил ему и т. *Устюжанин*, заявивший, что «авторы заметки и редакция газеты пользуются методами *«желтой печати»*», что Юдина хотели *ошельмовать*, что авторов нужно *привлечь к ответственности* и т. п.

Этот совершенно явный зажим самокритики со стороны тт. *Юдина* и *Устюжанина*, к сожалению, не только не получил должного отпора от присутствующих здесь других коммунистов и руководителей института, но даже прямо был поддержан рядом товарищей. Так, например, т. *Сингалевич*, вынужденный признать, что «ряд обвинений Юдина находит фактическое подтверждение», все же заявляет, что «газета не сыграла положительной роли», высказывая пожелания о том, что лучше было бы, если заметка была бы обсуждена *до ее помещения в газету*». А присутствовавшая на этом же заседании комсомолка студентка 4 курса истфака т. *Рубцова* пошла еще дальше и заявила: «Меня удивляют статьи с *критикой педагогов*, так педагогу трудно работать. Нужно бы вызвать вперед Юдина в группу, а потом писать в газету». Удаленная с заседания партчасти кафедры беспартийная студентка того же курса *Беляева*, подслушав разговоры, на другой день с злопыхательством досужей кумушки, захлебываясь от восторга и хлопая в ладони: «Ну

\* Здесь и далее выделения сделаны редакцией газеты «За педагогические кадры».

теперь я знаю, что им (авторам заметки) будет за это. Будут знать, как критиковать преподавателей».

Длительное обсуждение этой заметки на кафедре всеобщей истории и в парткоме (со 2 ноября и до сих пор), по нашему мнению, даже чересчур длительное, все же не дало достаточного разрешения этого вопроса. Явные зажимщики самокритики Юдин и Устюжанин и их покровители (Сингалевич и ряд других) не получили по заслугам. Партком ограничился лишь длительными пререканиями, в особенности с т. Устюжаниным, о необходимости признания ими своих грубых политических ошибок. Юдин, а в особенности Устюжанин, всячески виляя, пытались оправдать себя. Юдин объяснял свои поступки «нервностью», а Устюжанин до самого конца упорно настаивал на своих выпадах против газеты и авторов заметки. Только под известным нажимом парткома оба они, буквально спускаясь на тормозах от своих прежних заявлений, признали непартийность своих выступлений. Партком, добившись признаний Юдина и Устюжанина, не сделал из этого случая других политических выводов.

А следствием этого явился и другой факт – это «страсти», разгоревшиеся вокруг заметки «Практика сорвана». [...]

Не нов и не оригинален ваш тон, тт. Юдин, Устюжанин и ваш товарищи из треугольника естественного факультета. Только нужно бы было вам знать, что такой тон в нашей социалистической действительности очень и очень *не поощряется*.

Жуткой «остратке» подвергал ретивый городничий подчиненных и окружающих, лебезил и заискивал перед сильными мира сего, жуткой «остратке» подверг треугольник группы вместе с зам. декана т. Сафиным и авторов заметки, явившихся на другой день в редакцию с новым письмом.

Не выдержали их «заячьи души» такого «уничтожающего натиска», пришли в редакцию каяться. Так, мол, и так, товарищ редактор. Нехорошо вышло с заметкой. Искazили вы ее, уважаемый. Сократили ее без нашего разрешения, заголовок дали не наш. И факультет вы назвали биологическим, а не естественным. А главное т. Мамыковский рассердился и не ходит на занятия. Признайте в следующем номере газеты свои ошибки и дайте по заслугам тем, кто коверкал нашу статью.

Мы не будем спорить о том, имеет ли право редакция редактировать и корректировать статьи, не искажая основного содержания, но кое-что разъяснить нашим читателям все же желаем.

Начнем с достаточно всем известных (разве кроме упомянутых выше лиц) истин:

1) Партия требует развития критики и самокритики, *не взирая на лица*, в том числе и преподавателей нашего института;

2) Газета и ее корреспонденты (даже не желающие подписывать корреспонденции своей фамилией) являются проводниками большевистской критики и самокритики.

Редакция газеты, следуя этим истинам, тщательно проверила факты, указанные в обеих заметках. Почти *все факты подтвердились*. В результате первой заметки тов. Юдин резко изменил к лучшему качество своих лекций. Общее дело повышения качества учебной работы от этих заметок выиграло. Значит газета свою положительную роль, тт. Сингалевич, Рубцова и треугольник III курса биологов, сыграла. А вот длительность обсуждения этих заметок и в особенности болезненное реагирование на них, затронутых ими лиц, вызвали ряд отрицательных явлений, как то: пропуск 4 лекций т. Юдиным, столько же т. Мамыковским, обострение отношений среди студентов, разгар нездоровых страстей вокруг затронутых вопросов и т. п.

Если же учесть особенности учебных заведений (явную зависимость студентов от преподавателей во время зачетов и экзаменов), советы «благожелателей» авторам заметок о том, что «худой мир, лучше доброй ссоры», то станет понятным, что задача парторганизации и всей нашей общественности – немедленно исправить допущенные ошибки в связи с этими вопросами и обеспечить на основе дальнейшего развития критики и самокритики, не взирая на лица, на всех участках нашей работы борьбу за большевистское качество выковки советских педагогов.

За педагогические кадры. – 16 декабря 1936. – № 8. – С. 2.

## **№ 2. Статья секретаря парткома Еналеева «За широкую большевистскую самокритику»**

Несмотря на неоднократные предупреждения парторганизации и руководству института со стороны ОК ВКП(б) и указания бюро райкома по итогам проверки и обмена партдокументов в 1936 г., наконец, несмотря на уроки, полученные парторганизацией и руководством института в связи с раскрытием в институте троцкистской группы (Эльвов и др.) и группы буржуазных националистов (Ф. Сайфи, С. Атнагулов и др.) – парторганизация и руководство института не сделали для себя решительных выводов и не добились развертывания большевистской критики и самокритики.

Один из конкретных фактов слабого развертывания критики и самокритики в институте является недопустимая медлительность хода обсуждения заметки «Против верхоглядства, за подлинные научные знания», которая раскрывает не только существенную политическую ошибку и недостатки в преподавании товарища Юдина, но и указывает на неблагополучие постановки проверки качества преподавания со стороны зав. кафедрами, деканатов и руководства института.

Партком и общее партсоборание заметку «Против верхоглядства, за подлинные научные знания», помещенную во втором номере многотиражки, считают вполне своевременной и правильной, вскрывающей крупнейшую политическую ошибку в лекции тов. Юдина по новой истории Западной Европы. Несмотря на прямые указания товарища Сталина о борьбе Ленина и большевиков на международной арене против центризма и о значении этой борьбы для мирового рабочего движения, товарищ Юдин при изложении истории Германии конца XIX и начала XX в. совершенно недостаточно освещал руководящую роль Ленина и большевиков в борьбе против центризма. Кроме того, в лекциях тов. Юдина имелся ряд недочетов в вопросах: о движущих силах революции 1848 года в Италии, о политических группировках французской республиканской партии 70 гг. XIX века и не всегда давались полные характеристики роли отдельных личностей в истории народов.

Тов. Юдин вместо своевременного признания и исправления своей грубейшей политической ошибки и недочетов, указанных в заметке многотиражки, встал на путь прямого зажима самокритики, выразившейся в квалификации заметки, как клеветнической и авторов заметки, как «мерзавцев» и «наглецов». Он в процессе обсуждения всячески пытался отрицать факты зажима самокритики с его стороны. Лишь будучи поставленным партсоборанием перед неопровержимыми фактами, признал свои ошибки, что его отношение к газете и поведение при обсуждении заметки было антипартийным и вело к прямому зажиму самокритики.

Тов. Устюжанин на заседании кафедры всеобщей истории и на заседании парткома вместо того, чтобы помочь парторганизации вскрыть политическую ошибку и недочеты в преподавании тов. Юдина встал на еще более худший путь зажима

самокритики, обвинив редакцию «За педагогические кадры» в применении методов «желтой печати», сенсации и требовал привлечения авторов к ответственности.

Тов. Устюжанин до конца обсуждения заметки пытался отрицать наличие с его стороны зажима самокритики и оправдать свои ошибки ссылкой на несогласие с формой изложения заметки. Лишь после единодушного отпора со стороны партсобрания он полностью признал свою ошибку и осудил свое антипартийное отношение к газете и поведение в процессе ее разбора и обсуждения.

На расширенном заседании партчасти кафедры всеобщей истории присутствовавшие члены и кандидаты партии, в первую очередь, члены парткома (Касымов и Еналеев) и зав. кафедрой (Сингалевич) не дали достаточного отпора антипартийным выступлениям тт. Юдина и Устюжанина.

Партсобрание, обсудив решение парткома о ходе обсуждения заметки и поведения тт. Юдина и Устюжанина, решило:

1) Тов. Юдин за зажим самокритики при обсуждении заметки, вскрывавшей политическую ошибку и недочеты в его преподавании, за попытки на партсобрании 26 декабря [19]36 г. оправдать и умалить эту ошибку и недочеты, – заслуживает строжайшего партийного взыскания, но, учитывая его признание и осуждение своего антипартийного поведения, сделанное на партсобрании 28 декабря 1936 г., считать возможным ограничиться постановкой на вид.

Обязать т. Юдина:

А) в дальнейшей своей работе обеспечить высокое качество и идеологическую выдержанность лекций;

Б) выступить перед студентами III и IV курсов на очередных лекциях с разоблачением допущенных им политических ошибок и дать развернутую критику этих ошибок и своего антипартийного поведения при обсуждении заметки в очередной номер многотиражки;

В) в дальнейшей практической работе максимально содействовать развертыванию среди студентов и научных работников самокритики, «не взирая на лица», и тем самым на деле доказать искренность признания и осуждения своего антипартийного отношения к самокритике.

Тов. Устюжанин за грубый зажим самокритики, антипартийное отношение к вузовской печати (клеветническое обвинение многотиражки в методах «желтой печати», за защиту поведения тов. Юдина и упорство в признании и осуждении своего антипартийного поведения заслуживает строжайшего партийного взыскания, но, учитывая его признание и осуждение своего антипартийного поведения, сделанное на партсобрании 28 декабря [19]36 г., считать возможным ограничиться постановкой на вид.

Предупредить тов. Устюжанина, что в своей практической работе он обязан на деле доказать искренность признания и осуждения своего антипартийного поведения и решительно бороться за развертывание на факультете и в институте большевистской критики и самокритики.

2) Указать парткому на необходимость в дальнейшем быстрее реагирования на все факты и сигналы, вскрывающие болезненные явления и недочеты в работе института и особенно в деле развертывания большевистской критики и самокритики и мобилизации масс на изжитие этих недочетов.

3) Указать Касымову и Еналееву, что на заседании партчасти кафедры всеобщей истории 2 ноября [19]36 г. ими не была проявлена достаточная партийная чуткость и твердость в оценке и разоблачении антипартийных выступлений и поведения тт. Юдина и Устюжанина.

4) О поведении тов. Сингалевича на заседании кафедры всеобщей истории сообщить парткому Каз[анского] гос[ударственного] университета.

5) Обязать партийную часть всех кафедр и факультетов и, в первую очередь, партчасть исторического факультета проработать на специальных совещаниях настоящее решение и наметить практические мероприятия, содействующие разрыву на кафедрах критики и самокритики.

Приведенные мною факты наличия зажима самокритики со стороны тт. Юдина и Устюжанина и благодушия, проявленные по этому важнейшему политическому вопросу со стороны зав[едующего] кафедрой и руководства института, действительно способствовали созданию за последнее время благоприятной почвы для возникновения других фактов попытки зажима самокритики, выразившихся в том, что преподаватель тов. Мамыковский вместо признания своих недочетов по производственной практике и быстрого исправления их встал на совершенно неправильный путь, на путь отказа от работы в институте, на путь неуважения критики и самокритики. Студент Матвеев сорвал написанную на него карикатуру в стенгазете физматфакультета.

Это все показывает, во-первых, непонимание со стороны студентов и научных работников значения большевистской самокритики и, во-вторых, недооценку со стороны руководителей отдельных звеньев вузовского руководства роли критики и самокритики, призванной для улучшения качества постановки учебной и политико-воспитательной работы, призванной для выкорчевывания элементов либерализма, благодушия и для искоренения и разоблачения классово-враждебной идеологии.

Отсюда встает перед каждым студентом и научным работником чрезвычайно серьезная и неотложная задача – поднять на небывалую высоту остроту и действенность критики и самокритики.

Вооружившись испытанным методом большевистской критики и самокритики, вести упорную борьбу за реализацию постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома о высшей школе и специального постановления ОК ВКП(б) от 27 марта 1935 г. о нашем институте.

За педагогические кадры. – 6 января 1937. – № 1 (11).

## Список литературы

Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 132. – Казань, 1974. – С. 67.

Бушueva Л. А. «Наследие ликвидированного ФОНа»: кадровый состав гуманитарных отделений Восточного педагогического института (1920-е гг.) // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2021. – Т. 41. – № 1. – С. 12-18.

Галимзянова А. Т. Казанский педагогический институт в годы «Большого террора». По письмам Х. Гимади в ЦК ВКП(б) и парторганизацию 1938 г. // Вестник архивиста. – 2023. – № 3. – С. 849-860.

Литвин А. Л. Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). – Казань: Татарское кн. издательство, 1994. – 191 с.

Литвин А. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Бремя выбора. Историки Казанского университета в первые советские десятилетия. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2021. – 156 с.

## References

*Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Vyp. 132* [The Scientific Notes of Kazan State Pedagogical Institute. Issue 132]. Kazan, 1974, p. 67.

Bushueva L. A. "Nasledie likvidirovannogo FONa": kadrovyy sostav humanitarnykh otdeleniy Vostochnogo pedagogicheskogo instituta (1920-e gg.) ["The legacy of the liquidated FON": staff composition of the humanities departments of the Eastern Pedagogical Institute (1920s)]. IN: *Izvestiya*

*obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* [The News of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University], 2021, vol. 41, no. 1, pp. 12-18.

Galimzyanova A. T. *Kazanskii pedagogicheskii institut v gody "Bol'shogo terror". Po pis'mam Kh. Gimadi v TsK VKP(b) i partorganizatsiyu 1938 g.* [Kazan Pedagogical Institute in the years of the "Great Terror". According to the letters of H. Gimadi to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) and the Party Organisation in 1938]. IN: *Vestnik arkhivista* [The Archivist's Bulletin], 2023, no. 3, pp. 849-860.

Litvin A. L. *Bez prava na mysl'. (Istoriki v epokhu Bol'shogo terrora. Ocherki sudeb)* [Without the Right to Think. (Historians in the Era of the Great Terror. Sketches of Fates)]. Kazan: Tatarskoe kn. izdatel'stvo publ., 1994, 191 p.

Litvin A. A., Malysheva, S. Yu., Sal'nikova, A. A. *Bremya vybora. Istoriki Kazanskogo universiteta v pervye sovetskie desyatiletiya* [The Burden of Choice. Historians of Kazan University in the First Soviet Decades]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta publ., 2021, 156 p.

### **Сведения об авторе**

**Галимзянова Алина Тагировна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, e-mail: alisabitva@mail.ru

### **About the author**

**Alina T. Galimzyanova**, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at Sh. Mardzhani Institute of History, the Academy of the Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: alisabitva@mail.ru

### **В редакцию статья поступила 25.09.2024, опубликована:**

Галимзянова А. Т. «Поход против преподавателей» на страницах студенческой газеты Казанского пединститута // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2024. – № 4. – С. 33-43.

### **Submitted on 25.09.2024, published:**

Galimzyanova A. T. "Pokhod protiv prepodavatelei" na stranitsakh studencheskoi gazety Kazanskogo pedinstituta ["The campaign against the teachers" in the student newspaper of Kazan Pedagogical Institute]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2024, no. 4, pp. 33-43.